

ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ БЕЛОРУССИИ — РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ И БЕЛОРУСОВ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.¹

Е.Ф. Фурсова

Работа посвящена сравнительно-историческому исследованию русских старообрядцев-переселенцев из Белоруссии начала XX в. по данным о поминальной обрядности. Исследование выполнено на основе новых полевых материалов экспедиции 2013 г., проведенной совместно с белорусскими учеными — этнографами и фольклористами. Показаны некоторые локальные особенности поминальной обрядности этой группы на фоне других старообрядческих групп Сибири, Урала и Европейской России, прослежены взаимовлияния со стороны соседей — белорусов православного вероисповедания.

Поминальные обряды восточно-славянских народов Западной Сибири, межэтнические взаимовлияния, локальные традиции русских старообрядцев и белорусов Васюганья, поминальная трапеза.

Изучение поминальной обрядности как части похоронного ритуала находится в этнографии на стадии накопления материала и систематизации основных структурных элементов. Тем важнее сравнительно-историческое исследование старообрядческих групп, сосредоточивающих в своей традиционной культуре архаичные обычаи и обряды как дохристианского, так и раннехристианского происхождения вплоть до настоящего времени. За последние десятилетия достаточно полно были исследованы старообрядческие группы ряда районов Европейского Севера, Урала и Сибири [Фурсова, 1983; Макашина и др., 1989; Бардина, 1990; Мотузная, 2004; и пр.], что позволяет осуществить анализ на широком этнографическом поле. Значительный интерес представляет сопоставление старообрядчества и носителей официального православия — белорусов с одних со старообрядцами территорий, практически одновременно переселившихся в Сибирь в начале XX в.

Летом 2013 г. Институтом археологии и этнографии СО РАН совместно с Белорусским культурным центром Новосибирской области и Институтом культуры Беларуси (г. Минск) была проведена экспедиция в Северную Барабу и Васюганье (Северный и Кыштовский р-ны Новосибирской обл.) с целью изучения фольклорно-этнографических традиций переселенцев из Белоруссии (рис. 1). Компактная группа русских старообрядцев мигрировала в Сибирь из губерний Российской империи, административно относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии, из-за недостатка земель в 1903–1919 гг. [Фурсова и др., 2003, с. 33–41]. При анализе этнографического материала автор исходит из предпосылки, что обычаи и обряды логично рассматривать как реальность исследуемого времени, как элемент культуры развивающегося во времени и в пространстве народа, его образа жизни, а «не только как пережиток, причем, такого отдаленного прошлого, когда народ еще и не существовал как этническая общность» [Терюков, 1990, с. 3].

Типологически поминальная обрядность является завершающим этапом в череде обрядов, связанных с погребением умершего человека. Они проходят сразу после захоронения в доме умершего, а также в определенные дни после смерти (9-й, 40-й и пр.). Основная цель поминальных обрядов, по мнению ученых, заключается в обеспечении лояльности мертвых к живым, покровительстве со стороны умершего (предка) и обеспечения постоянно функциональной связи между живыми и мертвыми [Там же, с. 15]. По мнению французского этнолога А. Геннепа, коллективные трапезы непосредственно после похорон и трапезы последующих поминок совершаются ради восстановления связи между членами сообщества живых и покойным вследствие утраты одного из звеньев жизненной цепи [2002, с. 134, 138].

Идущие из глубины веков поминальные обряды известны и до сих пор исполняемы старообрядцами Васюганья, почему в процессе экспедиционных исследований удалось зафиксировать их этнокультурную специфику. В этой связи для нас весьма важно было услышать от носителей традиций, каковы причины исполнения и как они интерпретируют ритуалы. Именно та-

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 12-21-01000.

Е.Ф. Фурсова

кой принцип был положен в основу сбора этнографического материала. Из сообщений современных информаторов следует, что, заботясь о достойных похоронах и поминках усопшего, родственники думают, что тем самым «угождают ему» и помогают войти в Царствие Божие. Жители Северного района не только вспоминают дедовские традиции похоронно-поминального цикла, но могут их продемонстрировать (рис. 2, 3).

Рис. 1. Беседа со старообрядцами п. Северное Новосибирской обл. 2013 г. (здесь и далее — фото автора)

Рис. 2. С.Г. Осипов показывает, каким образом носили икону на кладбище во время похорон

До настоящего времени в старообрядческих деревнях сохраняется развитый ритуал поминок, сведения о котором мы имеем возможность сравнивать с данными, полученными нами в этих же деревнях в 1991–1993 гг. Возвратившись с кладбища, все участники похорон перед трапезой обязательно моют руки: «Стоит (рукомойник) с водой, все моют руки, полотенцем вытирают. Стол накрывают полотном». Еще одно сообщение: «Даже в ворота когда заходят, в калиточку, руки моют. В калиточке моют, пошли» (Ф.К. Пудова). У васюганских старообрядцев, как и в целом ряде других этнокультурных групп, отсутствовала или считалась греховной поминальная трапеза с хмельным угощением. Сейчас этого правила придерживаются пожилые люди, которым отдельно накрывают стол без алкогольных напитков и с постным угощением, если поминки приходятся на постные дни.

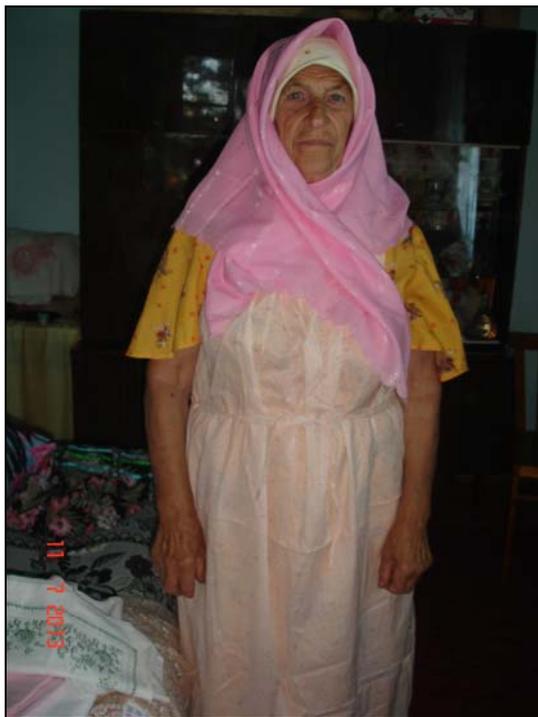

Рис. 3. В.Х. Атопкина показывает погребальный костюм

Последовательность усаживания за поминальный стол стойко сохраняется до сих пор: первых усаживают копальщиков могильной ямы, потом знакомых и соседей, за последним столом садятся родственники. Это свидетельство в пользу того, что поминки проводились в качестве жертвенного обеда с целью угощения по возможности большего числа людей, включая неродственников. Если относительно первоочередности копальщиков за поминальными столами расхождения мнений не наблюдалось, то по отношению к остальным участникам можно услышать разные трактовки. «Копальщики первые. Родственники садятся за последний стол. Мужчины и женщины садились вместе», «Нет, в одном уголке мужики, в другом женщины садятся», «Обычно говорят: “Давайте, сначала накормим мужиков, копальщиков”. Они садятся, кто где сядет». Приведем еще высказывания на этот счет: «В принципе, они садились с одной стороны, друг с другом, а с другой стороны садились те, которые свободные мужчины, но не близкие родственники. Ну, знакомые, если место есть. Если места нет, то женщины садились потом вторым заходом» (Е.В. Демчихина).

Качественный состав пришедших на поминки во многом зависел от половозрастной принадлежности покойника. Если хоронили пожилых людей, то не приглашались и не участвовали в трапезе дети или подростки, если хоронили ребенка, то малолетним друзьям умершего собирали отдельный стол. Аналогичным образом на поминки молодого парня или девушки приглашались его сверстники. Приведем примеры высказываний на этот счет: «Нет, пятилетнего вперед не посадят, а молодежь, она обычно не идет за стол поминать... Дети не поминали за столом никогда. Детям поменьше выносили в деревнях родственники умерших конфеты, блинчики, постряпушечки, и всё. Это вот в моей деревне, где я жила, так было. У нас детей за стол не садили. А другое дело, когда кто-то из детей умирал, маленькие дети. Там для детей накрывался отдельный стол. А со взрослыми никогда не садились» (Е.К. Прокофьева). Или: «Ну, а сейчас садятся молодые парни, поминают молодого парня. Его друзья. А если поминают старую бабушку, молодые там не ходят» (Ф.К. Пудова).

Поминальный стол, в отличие от повседневного использования «для живых», застилали скатертью («скатерка») наизнанку, «на наличку». Заметим, что если эта же, предназначенная для праздников, вышитая скатерть использовалась на свадьбе, то клалась «на лицо», т.е. орнаментом вверх (И.Г. Осипов). На поминальном столе должен присутствовать набор блюд, считающихся обязательными: пшеничная кутья, ягодный кисель, блины (раньше из гороховой му-

ки), яичница («яишница»). Начинается трапеза после того, как духовные наставники прочтут поминальные молитвы и сядут за стол. Перекрестившись, каждый говорит слова молитвы² и берет по три ложки кутьи³ (больше считалось нельзя). Кисель варят густым, поэтому едят его ложками, а подают на стол в общих чашках. Обычай приготовления густого киселя фиксируется в других старообрядческих группах, например, Северного Урала, Русского Севера [Макашина и др., 1989, с. 301]. Как и встарь, во времена единоличного хозяйствования, сегодня сидят за трапезой молча и едят угощение, не употребляя ножей. Ждут, пока все поедят, и выходят все вместе, как и садились, со словами благодарности «Спаси, Господи».

Сразу после трапезы убирают посуду. Если поминальный обед состоит из нескольких столов, то ставят чистую посуду для вновь прибывших помянуть. Последними остаются родственники и люди, убравшие столы. «А последний заход, хозяева моют, родственники остаются. Остаются обслуга и убирают столы» (С.Г. Осипов).

По словам В.Х. Атопкиной, раньше, когда некоторые люди жили бедно, они довольствовались подаренными («поданными») им вещами умершего. Вещи раздавали в первую очередь готовившим поминальный обед, читавшим молитвы у гроба и пр. «Если люди жили бедно, то за стол почти не садились, а давали вещи. Если умерла бабушка, у нее есть несколько платков. Тем, кто сидел у гроба, давали какими-то вещами. Кто готовил — тоже. Платки да вещи какие-то» (В.Х. Атопкина). Или такое сообщение: «Какая-то шубейка⁴ осталась, какая-то муфта. У нашей мамы шубейка — это праздничная, а рабочая была юбка и блузка холщовая, рабочая» (Е.В. Демчихина). Предметы одежды, обуви, как и разные другие принадлежности костюма, согласно общерусской традиции, издавна употреблялись в качестве жертвенных приношений [Зеленин, 1913, с. 13, 15]. Тот факт, что жертвоприношением часто становилась старая обувь, интерпретируется в том смысле, что она предназначалась «для перехода покойников в потусторонний мир» [Там же, с. 14]. В полевой практике нам встречались случаи, когда вместе с умершим клали в гроб обувь или иные принадлежности одежды, но для другого, прежде умершего человека. Однако это делали только тогда, когда во время похорон забывали что-либо надеть или испытывали беспокойство во сне («приходил, просил согреть» и т.п.). Информаторы вспоминали, что когда однажды хоронили мужчину, то теща надела ему новые лакированные ботинки, но после этого он стал ей сниться и «жаловаться, что обувь жмет ноги». Старообрядческие наставники (были «попы» «Цыкуниха», «Сазониха», Ульяна), узнав, что при жизни зять носил кроссовки, посоветовали положить их на могилу и прикопать землей (или положить в гроб очередному покойнику). Возможно, коллективная трапеза и раздача одежды умершего наделялись синонимичными свойствами в качестве жертвы со стороны родственников.

Заметим, что в исследуемой группе старообрядцев, как и повсеместно у русских, придерживались обычая упрощения похоронных и поминальных обрядов человека, ушедшего из жизни в результате трагического события или самовольно, т.е. «не в свой срок». «Когда человек утоп или повесился, о нем никто не поет, не отпевает. Ну, там свои похоронили, и все» (Ф.К. Пудова). Некоторые информаторы утверждали, что такие покойники не только лишались многочеловеческих почестей, поминок, но их и хоронили на кладбище отдельно. По мнению Д.К. Зеленина, настороженное отношение к «заложным покойникам вызвано тем, что с самого часа своей смерти те находятся в распоряжении у нечистой силы... кое-кто становится кикиморами, русалками, лешими, водяными...» [1917, с. 399] (об этом же: [Неклепаев, 1903, с. 228]). В старину такая категория умерших лишалась не только поминовения, но даже погребения, потому как, в представлениях древних славян, «Земля гневалась и не принимала нечистый труп» [Зеленин, 1917, с. 402, 403]. Согласно христианскому вероучению, умершие неестественной смертью, особенно самоубийцы, совершают смертный грех и не имеют права на поминальные обряды в церкви. По народным представлениям, таким покойникам разрешался поминальный день только в триоцику субботу, однако есть старообрядцы, которые придерживаются мнения о невозможности каких-либо поминок в этих ситуациях.

Видимо, категория покойников-утопленников представляла собой не только особую опасность для живых, но и в контексте симпатической магии была связана с бездождем, так как в

² Молитва: «Упокой, Господи, душу раба Божьего».

³ Кутью или коливо, в соответствии с Церковным уставом, готовили из пшеницы с медом, допускалась замена на рис [Нефедов, 2002, с. 250].

⁴ Шубейка — здесь женский сарафан на узких лямках. — Е. Ф.

случае засухи васюганцы поливали их могилы водой. Приведем рассказ на этот счет: «А еще и сейчас сохранилась традиция или обычай: если долго нет воды, дождя, то нужно принести с речки или там ложка сорок ведер воды и полить на утопленника, на могилу утопленника, но чтоб не разговаривать. Надо прийти в двенадцать часов ночи на кладбище, а у нас в Бергуле рядом с кладбищем ложок. И я знаю, у меня мать несколько раз ходила с соседками, и они на утопленника сорок ведер (выливали). И действительно, потом шел дождь. И молчали, должна быть “молчальная вода”» (С.Г. Осипов). Содержание этого не единожды записанного нами обычая неясно информаторам [Фурсова, 2013, с.533]. Представления о том, что «нечистые», или «заложные», покойники, будучи похоронены на кладбище («чистом месте»), вызывают бездождие, урожай, мор, были широко распространены не только у славян, но и у многих других народов [Толстой, 2003, с. 101].

Среди пожилых старообрядцев с Северное распространено мнение, что в последние два-три десятилетия появились новые обычаи, направленные на увеличение поминальных дней (в домашней обстановке). К старинным поминальным дням после похорон и «сороковинам» (на 40-й день) прибавились поминки на девятый день, полгода и год. «Схоронили, помянули, горячий обед — всё. Никаких девяти дней. И до сорока дней, вот, сороковины. Только сороковины делали. А теперь и полгода делают, и год делают. Когда захотел, тогда и помянул». Старообрядцы считают, что увеличение поминальных дней связано не с намерением почтить память умерших и облегчить им участь на «том свете», но, скорее, с желанием лишней раз угоститься, принять горячительные напитки. Церковный устав упоминает о поминовении в 3-й, 9-й, 40-й дни по кончине; иногда выделяется как особый поминальный 20-й день [Нефедов, 2002, с. 258].

В Северном и Кыштовском районах Новосибирской области по соседству со старообрядцами проживают этнические переселенцы-белорусы православного вероисповедания. По нашим наблюдениям, несмотря на общность прежних территорий проживания, между этими группами переселенцев из Белоруссии наблюдается довольно много различий в области поминальной обрядности. Так, первые поминки после похорон белорусы устраивали и продолжают устраивать на могильном холме (при этом застилают скатертью). Раньше пели «погребальные песни» (не сохранились), ходили на кладбище на второй день после захоронения — этим они отличались от старообрядцев. Ощутима также разница в атмосфере дома, где умер человек: у белорусских крестьян допускались шутки, смех. По этому поводу информаторы поясняли: «Вечером приходят, поят чаем их. Чай попоили, посадили и сидят. Сидят и поют, и молитвы читают, и анекдоты щас уже. Смех там и слезы... Нет, не выпивали. Пили чай» (П.М. Сенцова). В нестарообрядческих семьях меньше уделяли времени чтению молитв: «Пять часов отмолятся и пошли домой. Кто-то маленько отдохнет, кто-то управляться со скотиной уходит. Остается одна родня» (П.К. Буркова). Возможно, в этих обычаях сохранились рудименты древнеславянской «стравы» — разгульной поминальной трапезы язычников [Котляревский, 2011, с. 245]. Твердо установленными поминками были 3-й, 9-й, особенно 40-й день, что соответствует старинным обычаям славян и Церковному уставу⁵. В качестве поминального блюда, помимо кутьи, подавали «ладки (здесь: олады. — Е. Ф.) в сметане».

Полевые этнографические материалы позволяют осуществить сравнительно-историческое исследование, т.е. выявить сходство и различия в деталях поминальных обычаев разных старообрядческих групп. Например, в одних старообрядческих группах поминали кутьей и блинами, где-то одной кутьей. Кроме того, взаимно заменялись жидкие блюда: в одних местах это были кисели, в других — компоты или квасы [Макашина и др., 1989, с. 296; Мотузная, 2004, с. 288; Белорусы в Сибири..., 2011, с. 86]. Еще в середине XX в. васюганцы выделялись сокращенным вариантом поминальных сроков, включавших поминки только на 3-й и 40-й день после смерти. Заметим, что, несмотря на Церковный устав и тот факт, что дни поминовения усопших происходят из первохристианской древности, эти поминки различались по разным регионам порой довольно значительно (не везде отмечали 20-й день, полгода, три года и пр.). Этим рассматриваемая группа отличалась от старообрядцев Северного Урала, Алтая, Русского Севера (ср. [Куликовский, 1894; Макашина и др., 1989, с. 296; Мотузная, 2004, с. 288; Логинов, 2010, с. 366, 384]. Вместе с тем, и это следует особо отметить, общих обычаев между старообрядческими группами наблюдается значительно больше: приоритет «благочестивых трапез» без пи-

⁵ А.А. Котляревский пишет, что, согласно данным Воле (VII в.), поминки древних славян по усопшим совершались на 3-й, 6-й, 9-й и 40-й дни [2011, с. 249].

тия (не всегда соответствует реальности), приготовление поминальных блюд (кутья), жертва «милостыня» одеждой умершего и полотенцами и пр. Причем различное отношение к обстоятельствам смерти, согласно православной традиции, было настолько велико, что это влияло на тот или иной вариант не только погребального обряда, но и поминальной трапезы без почестей. Белорусским влиянием можно считать присутствие поминальных яств в виде бобов и гороховых блинов в качестве основных (например, в Полесье бобовые варили на медовой сыте) [Котляревский, 2011, с. 249].

Таким образом, в поминальных обрядах сохраняются остатки культа мертвых, культа предков, ранних христианских традиций и предписаний. Повторяемость многих нехристианских обычаев в разных локальных группах русских свидетельствует, что они не принадлежали к узкой традиции, а некогда имели общерусское распространение. Сегодня понять исконный смысл многих обрядов невозможно, но у исследователей имеется реальная возможность расспросить современных информаторов об их содержании.

Вероятно, многое можно будет прояснить при сравнении похоронно-поминальной обрядности как можно большего числа различных старообрядческих групп Сибири, Урала и европейской части России. «Есть все основания предполагать,— справедливо писала этнограф И.А. Кремлева,— ...что обычаи и воззрения, составлявшие местное своеобразие бытовой культуры отдельных групп населения, восходят к некогда общему для всего русского народа древнему культурному пласту и в силу этого могут рассматриваться как черты, свойственные дохристианской религии русских или, может быть, всех восточных славян» [1989, с. 250].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бардина П.Е. Материалы о похоронно-поминальном обряде русского населения Среднего Приобья в конце XIX — первой четверти XX в. // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 166–178.

Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

Зеленин Д.К. Русские народные обряды со старой обувью // Живая старина. 1913. Вып. I–II. С. 13–15.

Зеленин Д.К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Изв. АН. Пг., 1917. № 7. С. 399–414.

Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. 1868. Переизд. М.: Красанд, 2011. 304 с.

Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // Русские: Семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 248–264.

Куликовский Г.И. Похоронные обряды Обонежского края // Олонец. сб. 1894. Вып. 4. С. 411–422.

Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: Обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Ун-т Дм. Пожарского, 2010. 424 с.

Макашина Т.С., Кремлева И. А., Листова Т.А. Семейные обряды // На путях из Земли Пермской в Сибирь. М.: Наука, 1989. С. 222–308.

Мотузная В.И. Похоронная обрядность населения Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 288–291.

Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края: Этнографический очерк // Зап. Зап.-Сиб. отдела император. РГО. 1903. Кн. XXX. С. 29–230.

Нефедов Г. Таинства и обряды Православной Церкви. М.: Паломник, 2002. 319 с.

Терюков А.И. Похоронно-поминальная обрядность коми-зырян (вторая половина XIX — начало XX в.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1990. 24 с.

Толстой Н.И. Вызывание дождя в Полесье // Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 89–125.

Фурсова Е.Ф. Женская погребальная одежда русского населения Алтая // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1983. С. 73–87.

Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В. Старообрядцы Васюганья: Опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2003. 275 с.

Фурсова Е.Ф. Массовые моления белорусских переселенцев юга Западной Сибири в XX веке // Проблемы археологии, этнографии и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 533–536.

Источники. Список информаторов

Атопкина Варвара Харитоновна, 1938 г.р., п. Северное Новосибирской обл. Из смешанной, русско-белорусской семьи.

Буркова Прасковья Киреевна, 1932 г.р., род. в д. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл.. Родственники из Белоруссии (по отцу) и Калужской губ. (по матери).

Поминальная обрядность переселенцев из Белоруссии — русских старообрядцев и белорусов...

Демчихина (дев. Хмелева) Евдокия Васильевна, 1935 г.р., п. Северное Новосибирской обл. Русская.

Осипов Иван Григорьевич, 1942 г.р., род. в д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Русский.

Осипов Сергей Григорьевич, 1957 г.р., род. в д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Русский.

Прокофьева (дев. Степанова) Евдокия Карповна, 1914 г.р., род. в д. Макаровка Кыштовского р-на Новосибирской обл. Интервью 1991 г. Русская.

Пудова (дев. Иванова) Феодосья Конофеевна, 1910 г.р., род. в д. Макаровка Кыштовского р-на Новосибирской обл. Интервью 1991 г. Русская.

Сенцова Полина Михайловна, 1958 г.р., род. в д. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл. Белоруска.

Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
mf11@mail.ru

The paper is devoted to a comparative-historical investigation regarding Russian old-believers — settlers from Byelorussia in early XX c., basing on materials of funeral rites. The investigation is made on the basis of new field data obtained by expedition-2013 undertaken together with Byelorussian scientists — ethnographers and folklorists. The published data allowed to demonstrate certain local features of funeral rites with the said group against other old-believers' groups from Siberia, Urals and European Russia, tracing the mutual influence on the part of their neighbours — Orthodoxal Byelorussians.

Funeral rites of East Slavic peoples from West Siberia, inter-ethnic mutual influences, local traditions of Russian old-believers and Byelorussians from Vasyugan area, funeral repast.